

Условное деепричастие в лесном диалекте энецкого языка: корпусное исследование системы употреблений

Овсянникова Мария Александровна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург);
masha.ovsjannikova@gmail.com

В статье с опорой на данные текстов описываются функции условного деепричастия в лесном диалекте энецкого языка, выявляются различия между употреблением этой формы в речи носителей разных поколений. Независимые клаузы с условным деепричастием, как уже отмечалось в предшествующих описаниях, используются в качестве вопросов (общих, альтернативных или специальных) говорящего самому себе. Прослеживается развитие формы условного деепричастия глагола *ε* 'быть' в конструкциях с числительными в маркер приблизительного количества. К зависимым клаузам с условным деепричастием относятся протасис условных и условно-уступительных конструкций, а также сентенциальные актанты. Обсуждается диахроническое отношение между независимыми клаузами с условным деепричастием и протасисом условных конструкций, и приводятся аргументы в пользу каждого из двух возможных путей развития. К сентенциальным актантам с условным деепричастием относятся, во-первых, ирреальные сентенциальные дополнения при предикатах отрицательной пропозициональной установки (*d'ɣxara* 'не знать', *d'urta* 'забыть'), почти не упоминавшиеся в литературе и, по-видимому, возникшие сравнительно недавно, во-вторых, сентенциальные подлежащие в модальных конструкциях с предикатами *ɣɣja* 'хороший', *bɣɣ* 'плохой' и др. Рассматриваются такие свойства конструкций с условным деепричастием, как частотность использования маркера будущего времени, порядок следования клауз в полипредикативных конструкциях, круг глаголов, используемых в главной и в зависимой клаузах. Многие из этих свойств можно интерпретировать в свете представлений о росте интеграции клауз в ходе грамматикализации полипредикативных конструкций.

Ключевые слова: условное деепричастие, условные конструкции, энецкий язык, интеграция клауз, грамматикализация

CONDITIONAL CONVERB IN FOREST ENETS: A CORPUS-BASED STUDY OF ITS SYSTEM OF USES

Maria A. Ovsyannikova, Institute of linguistic studies, RAS (St. Petersburg); masha.ovsjannikova@gmail.com

This corpus-based study examines the functions of the conditional converb in Forest Enets and investigates the differences in its use between two generations of Enets speakers. In line with the previous descriptions, independent clauses with conditional converbs are used as self-addressed questions (yes/no, special, and alternative questions). The conditional converb of the verb *ε* 'be' when used with numerals is developing into a marker of approximation. Dependent clauses with conditional converbs include protases of conditional and concessive conditional constructions as well as complement clauses. This study discusses the diachronic relation between independent clauses with conditional converbs and the protasis of conditional constructions and concludes that either of the two directions of development is possible. Complement clauses with conditional converbs include, first, irrealis complements to negative propositional attitude predicates (*d'ɣxara* 'not know', *d'urta* 'forget'), which, showing signs of relatively recent grammaticalization, have hitherto received scant attention by scholars, and, second, sentential subjects in modal constructions with such predicates as *ɣɣja* 'good', *bɣɣ* 'bad' etc. To compare the use of the Enets conditional converb across types of clauses and generations of speakers, this paper analyses the occurrence of the future tense marker on the converb, the order of clauses in multi-clause constructions, the range of verbs in the main and in the dependent clauses. Many of these parameters can be interpreted as the signs of the growing level of clause integration in the process of grammaticalization of polypredicative constructions.

Keywords: conditional converb, conditional constructions, Enets, clause integration, grammaticalization

1. Введение¹

В лесном диалекте энецкого языка условное деепричастие с показателями *bu?* и *bune*², в соответствии со своим названием, чаще всего используется в протасисе условных конструкций (1)—(2).

- (1) *bese-ku-d* *ʔnie-bu?* *bese-ku-d* *kad-ta* *ʔfukʔfi*
железо-DIM1-OBL.SG.2SG иметься-CVB.COND железо-DIM1-OBL.SG.2SG унести-FUT.3SG.S весь
‘Если у тебя есть денежки, он денежки твои все унесет’. [NSP90S_DYOP1_030—031]³
- (2) *ʔʔfiko-ʔn*, *man-ʔ* *nʔi-u?*, *dʔiri-bune-d* *kere-t* *to-za-d*
плохой-PROL.SG сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT жить-CVB.COND-OBL.SG.2SG сам-OBL.SG.2SG прийти-FUT-2SG.S
‘Если, она сказала, плохо будешь жить, сама вернешься’. [NK090803_UKRA_054]

Задачи данного исследования заключаются в том, чтобы описать набор функций условного деепричастия на основании данных текстов, противопоставляя употребления в независимых и зависимых клаузах, установить семантические и/или диахронические связи между этими функциями и выявить различия в распределении функций в речи носителей разных поколений. Этим различиям уделяется особое внимание, так как они могут указывать на развитие у условного деепричастия новых функций.

В исследовании и интерпретации различий между поколениями, касающихся полипредикативных конструкций, существенную роль играло представление об интеграции клауз. В диахроническом плане интеграция — это процесс объединения двух рядом стоящих независимых клауз в единую полипредикативную конструкцию и усиления связи между клаузами в рамках такой конструкции [Норре, Traugott 2003: 176—184]. С синхронной точки зрения интеграция определяется степенью тесноты связи, существующей между двумя клаузами, в частности тем, насколько сильно зависимая клауза подчинена главной [Lehmann 1988]. Интеграция отражается в позиции зависимой клаузы по отношению к главной, в свободе взаимного расположения клауз, в возможности выражения модально-временных категорий в зависимой клаузе и т. п.

Многие из рассматриваемых в статье функций условного деепричастия обсуждаются в существующих грамматических описаниях энецкого языка. В частности, функции независимых клауз с условным деепричастием рассматриваются в статьях [Урманчиева 2014: 587—591; 2016: 126—127]. Употребления энецкого условного деепричастия в полипредикативных обстоятельственных конструкциях, прежде всего условных и временных, рассматриваются в описаниях [Сорокина 2010: 348; Siegl 2013: 440—445]. В статье [Буркова 2004], которая послужила одним из ориентиров для данного исследования, представлено систематическое описание функций условного деепричастия в ненецком языке. Однако на материале энецких текстов удается выявить такие типы употребления условного деепричастия, которые обнаруживают следы недавних диахронических изменений и не рассматриваются в перечисленных описаниях.

Материалом исследования послужили глоссированные тексты на лесном диалекте энецкого языка (ок. 115 000 словоформ). Эти тексты включают архивные записи 1970—1990-х гг., которые в основном фиксируют речь носителей 1910—1930-х гг. р., и современные записи речи носителей 1940—1960-х гг. р.⁴

¹ Я благодарю С. С. Сая, О. В. Ханину, А. Б. Шлуинского, а также двух анонимных рецензентов за замечания и комментарии к статье. Все ошибки и неточности остаются на совести автора.

² Распределение этих вариантов показателя кратко обсуждается И. П. Сорокиной [2010: 348], гораздо более подробно — для аналогичного показателя в ненецком языке С. И. Бурковой [2004: 157—167]. Предварительный анализ текстов показывает, что выбор между ними не сводится к какому-либо одному формальному или семантическому параметру, однако он не связан с противопоставлением функций, выделяемых в данной работе, и требует отдельного исследования. И. П. Сорокина [2010: 348] также упоминает показатель *-buʔi*, который, согласно ее описанию, используется для оформления условия в прошлом. В текстах, послуживших материалом для данного исследования, такой показатель не зафиксирован; в них есть деепричастие с формально сходным показателем *-buʔij*, однако оно выражает одновременность события в прошлом и не имеет условной семантики.

³ Ссылка на текст содержит инициалы носителя и время записи, сокращенное название текста и номер предложения.

⁴ Современные тексты были записаны и расшифрованы О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским, автором, Н. М. Стойновой и С. А. Трубецким в 2005—2010 гг., архивные записи были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским домом народного творчества, Д. С. Болиной, О. Е. Добжанской, И. П. Сорокиной и А. Ю. Урманчиевой и разобраны в 2005—2010 гг. указанными выше участниками проекта. Все тексты были оглоссированы А. Б. Шлуинским. Работа проводилась в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

Эти две группы носителей составляют те два поколения, которые будут противопоставляться при анализе диахронических изменений в употреблении условного деепричастия.

На начальном этапе данного исследования из корпуса глоссированных текстов были извлечены все употребления условного деепричастия и была произведена их исчерпывающая классификация. В дальнейших разделах будут обсуждаться все обнаруженные типы употреблений, кроме таких, в которых представлены (полу)лексикализованные формы условного деепричастия отдельных глаголов. К (полу)лексикализованным употреблением относятся: форма глагола *man* 'говорить', которая сама развивается в маркер протасиса условных конструкций и заслуживает отдельного обсуждения (3), и формы глаголов зрительного восприятия, которые используются в качестве вводных эпистемических маркеров (4).

- (3) *ma-bu-t* *tə-ju* *təj-j-z?* *axa, teza?* *d'eri d'oda*
 сказать-CVB.COND-OBL.SG.2SG тот-RESTR.ADJ дойти-M-3SG.M ага сейчас день середина
 'Если, скажем, оно туда дошло, ага, сейчас середина дня'. [EDB_NNB910207_VOS_EDB_253]
- (4) *aga, mədee-bu-ni?* *aga* *batəz-za*
 большой видеть-CVB.COND-OBL.SG.1SG большой хвост-NOM.SG.3SG
 'Большой, я смотрю, у нее большой хвост'. [LD080819_VIDGLU_011]

Несмотря на то что употребления в зависимых клаузах полипредикативных конструкций, прежде всего условных, являются центральными и наиболее частотными для энецкого условного деепричастия, в данной статье сначала, в разделе 2, будут рассматриваться его употребления в независимых клаузах, поскольку в них семантика этой формы предстает изолированно и на нее не накладывается семантика, связанная с отношениями между клаузами в полипредикативной конструкции (ср. принципы анализа функций русского сослагательного наклонения в [Добрушина 2016]). Раздел 3 содержит описание типов употребления условного деепричастия в зависимых клаузах, в частности в условных и условно-уступительных конструкциях, а также в сентенциальных актантах. В разделе 4 подводятся итоги исследования.

2. Употребления в независимых клаузах

Семантика независимых клауз с условным деепричастием подробно обсуждается в статьях [Урманчиева 2014: 587—591; 2016: 126—127], где условное деепричастие рассматривается в ряду энецких форм со значением эпистемической модальности. В [Урманчиева 2014: 587—591] такие употребления характеризуются как вопросы, которые говорящий задает самому себе: «задающий вопрос сам задумывается над поставленной в вопросе проблемой» [там же: 590]. Во второй из указанных работ выделяется два типа употреблений: во-первых, «вопрос с дополнительным оттенком, ближайшей семантической аналогией которого являются английские предложения с *wonder*», во-вторых, употребления, в которых «форма условного деепричастия передает модальное значение 'неизвестно / может быть'» [Урманчиева 2016: 126—127]. По-видимому, во второй из этих типов выделены такие употребления, которые в более ранней работе рассматривались как общие вопросы. Тем самым различия между этими двумя интерпретациями, скорее всего, являются чисто терминологическими, и оба способа описания кажутся равно возможными для того спектра независимых употреблений условного деепричастия, которые анализировались в рамках данного исследования.

В клаузах, которые можно описать как предположения, говорящий выражает неуверенность в событии, относящемся к прошлому (5), настоящему (6) или будущему (7). Такие употребления можно рассматривать и как общий вопрос (в противоположность специальному и альтернативному), над которым размышляет говорящий.

- (5) *entfeu-?* *to-b-ɕu*
 человек-PL прийти-CVB.COND-EXC1
 'Люди что ли приехали!' [VNB90S_KAKSVA_089]
- (6) *ɔdiz-?* *oka-an* *bazezə-bu-tu?* *tonin*
 зелень-PL много-PROL.SG расти-CVB.COND-OBL.SG.3PL туда.LOC
 'Там, наверное, много растений растет'. [NSP900810_ENE_011]
- (7) *peri?* *fi?* *kada-bu-ta* *ŋo*
 всегда я.ACC унести-CVB.COND-OBL.SG.3SG хоть
 'Может, она и навсегда меня унесет'. [NSP900817_OLA1_070]

Ряд употреблений этого типа можно трактовать как синтаксические амальгамы — структуры, которые можно считать результатом наложения друг на друга двух различных синтаксических конструкций, см. о подобных явлениях [Lambrecht 1988; Brenier, Michaelis 2005]. В этих употреблениях форма условного деепричастия глагола ‘быть’ выступает наряду с другим, смысловым, предикатом и в сфере действия предположения находится отдельный участник (8)—(9).

- (8) *fee ε-bune-da, ko-xo-ɔz to-j*
кто быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG где-FOC-ABL.SG прийти-PTCP.ANT
‘Кто, интересно, откуда-то приехал’. [LD100713_UPR_041]
- (9) *ʃize raz ε-bu-ta eke nɔvij ɡɔd-xon*
два раз быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG этот новый год-LOC.SG
ε-kon diazu-ŋa-bitʃ, ŋa-bitʃ
этот-LOC.SG идти-MULT-1DU.S/SOsg.PST существовать-1DU.S/SOsg.PST
‘Два раза, что ли, на Новый год мы сюда ездили, были’. [NI100705_XODTUN_287]

Среди подобных примеров встречаются и конструкции, в которых предположение высказывается относительно нескольких альтернатив и употребляется соответствующее число форм условного деепричастия глагола ‘быть’ (10)—(11).

- (10) *ŋob ε-bu-ta, ʃize ε-bu-ta*
один быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG два быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
sɛzoru-ku tɔr dʲazaa-ri-ʔ tɔne-ubi-ʔ
песец-DIM1 так след-RESTR-PL иметься-NAВ-3PL.S
‘Одного ли, двух ли песцов следы бывают’. [NI100705_XODTUN_364]
- (11) *taxa-noju mɔtuʔ ε-bune-da,*
за-ADV шесть быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
biuʔ ε-bune-da kaza-batʃ bɔlok min
десять быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG добыть-1PL.S/SOsg.PST балок в.LOC
‘Там, может, шесть, может, десять мы их убили в балке’. [LD080825_PCHE_019]

В большинстве подобных примеров-амальгам с условным деепричастием глагола ‘быть’ в сфере действия предположения находится количество каких-либо участников, ср. (9)—(11). При этом, даже когда речь идет о нескольких объектах, используется форма условного деепричастия с посессивным показателем единственного числа, а не множественного или двойственного. Можно предположить, что в подобных случаях форма условного деепричастия глагола ‘быть’ относится не к группе референтов, количество которых оценивает говорящий, а к самому числительному, т. е. употребляется в металингвистической функции, отражая процесс подбора числительного. Тем самым эта форма теряет статус глагольной единицы и начинает функционировать как маркер приблизительности. О том, насколько распространены подобные употребления в речи носителей разных поколений, косвенно позволяют судить данные о доле форм условного деепричастия глагола ‘быть’ среди употреблений условного деепричастия в независимых клаузах с функцией предположения (иными словами, общего вопроса говорящего к самому себе), см. таблицу 1.

Таблица 1. Доля форм условного деепричастия глагола ε ‘быть’ в текстах носителей двух поколений

Г. р. носителей	быть-CVB.COND в предположениях	Всего предположений с CVB.COND	Доля быть-CVB.COND
До 1940	6	25	0,24
После 1940	45	59	0,76

Таблица 1 показывает, что условное деепричастие глагола ‘быть’ гораздо чаще встречается в независимых клаузах с функцией предположения в речи носителей более молодого поколения (различие статистически значимо, точный тест Фишера, $p \approx 0,01$). Это изменение отражает развитие у условного деепричастия глагола ‘быть’ функций маркера приблизительности⁵.

⁵ Можно было бы предположить, что в условиях языковой аттриции в речи носителей младшего поколения глагол ‘быть’ в целом имеет большую частотность (я благодарю А. Б. Шлуинского за указание на необходимость

Вторая группа употреблений условного деепричастия в независимых клаузах — (специальные) вопросы говорящего самому себе, т. е. такие употребления, в которых содержится вопросительное слово, соответствующее фокусу вопроса (12)—(13).

- (12) *ti-ni?* *ɔbu-xoz* *lumu-bu-tu?*
олень-PL.1DU что-ABL.SG испугаться-CVB.COND-OBL.SG.3PL
'Почему наши олени испугались?' [VNB92_BAR_034]
- (13) *lobi-za,* *mana,* *kurse* *ɛ-bu-tu?*
весло-NOM.PL.3SG сказать-3SG.S какой быть-CVB.COND-OBL.SG.3PL
'Лыжи у нее, думает, какие могут быть?' [NSP70S90S_OLAS_107]

Обсуждая временную референцию независимых клауз с условным деепричастием, А. Ю. Урманчиева [2014: 588] отмечает, что референцией к настоящему времени обладают формы имперфективных глаголов, к прошедшему — перфективных⁶, а к будущему — формы, в которых наряду с показателем условного наклонения присутствует показатель будущего времени. Данные текстов согласуются с этим обобщением в том, что касается клауз с референцией к настоящему и к прошедшему: в первых используются имперфективные, ср. (5), (13), в последних — перфективные глаголы, ср. (6), (12). Этому обобщению не соответствуют разве что некоторые из обсуждавшихся выше употреблений условного деепричастия глагола 'быть' в качестве маркера приблизительности — такие, в которых описываемое событие относится к прошедшему времени, ср. (9), (11). Это согласуется с особым полулексикализированным статусом таких употреблений, и как раз в силу этого статуса их нельзя считать исключениями из обобщения, касающегося временной референции.

Систематические отклонения от этого обобщения наблюдаются в клаузах с референцией к будущему времени: условное деепричастие редко содержит показатель будущего времени, ср. употребления с показателем будущего времени и без него в (14)—(15). Как показывают данные Таблицы 2, все употребления с показателем будущего времени относятся к текстам носителей старшего поколения (различие между поколениями носителей приближается к порогу статистической значимости, точный тест Фишера, $p \approx 0,08$).

- (14) *ɔbu piinure-za* *te* *pɔzarɔ-du-bu-ni?*
что быть_страшным-PTCP.SIM олень запрячь-FUT-CVB.COND-OBL.SG.1SG
'Какого бы страшного оленя запрячь?' [NSP900810_ENE_078]
- (15) *ɔtuz-noju* *kanie-bu-ni?*
осень-ADV уйти-CVB.COND-OBL.SG.1SG
'Может, осенью поеду'. [AS100711_CHI_124]

Таблица 2. Наличие показателя будущего времени в независимых употреблениях условного деепричастия с референцией к будущему у носителей разных поколений

Г. р. носителей	Показатель присутствует	Показатель отсутствует	Доля примеров с показателем
До 1940	9	19	0,3
После 1940	0	9	0

Показатель будущего времени *-da* (при диахронически ориентированном взгляде — *-do*) в энецком языке отличается особым морфологическим поведением [Сорокина 1984; Ханина, Шлуинский 2019: 85]. При отрицании словоизменяемые показатели глагола обычно присоединяются к отрицательному глаголу, а основной глагол используется в форме коннегати́ва (16). Дери́вационные показатели, в частности

учета такой возможности). На материале всех употреблений глаголов в корпусе текстов это предположение не подтвердилось, однако данные употреблений в протасисе условных конструкций его не подтверждают: в них доля глагола 'быть' от всех глаголов оказалась даже несколько выше в речи носителей старшего поколения.

⁶ Энецкий язык относится к языкам со словоклассифицирующим видом: все глаголы в нем делятся на перфективные и имперфективные, и от видовой характеристики глагола зависит временная референция ряда модально-временных форм, в частности, базовая форма аориста у перфективных глаголов имеет референцию к прошедшему, у имперфективных — к настоящему, см. подробный анализ энецкой видовой системы в статье [Шлуинский 2017]. В глоссах перфективные и имперфективные глаголы передаются русскими глаголами СВ и НСВ соответственно.

аспектуальные, например показатель дуратива в (17), остаются в составе смыслового глагола. Показатель будущего времени ведет себя так же, как деривационные аспектуальные показатели, т. е. не «переходит» на отрицательный глагол (18).

- (16) *bese dʒore kuni i-bi-zi? nɔdos*
железо разговор как NEG-PRF-3DU.SOSg слушать.CONN
‘Как они не слышали шум железа?’ [LD100713_RYBMED_115]
- (17) *sexot entfey-? i-bi-zu? tɔxola-go-?*
древний человек-PL NEG-PRF-3PL.SONsg научить-DUR-CONN
‘Старшие люди их не учили’. [EDB_NNB910207_VOS_NNB_019]
- (18) *nʲe-d to-z?, fij? nʲe-d perzi-d*
NEG-2SG.S прийти-FUT.CONN я.ACC NEG-2SG.S помочь-FUT.CONN
‘Ты не придешь, мне не поможешь?’ [VNB90S_KAKSVA_016]

Такое поведение показателя будущего времени связано с тем, что этимологически он восходит к аспектуальному словообразовательному показателю [Сорокина 1984], см. аргументы в пользу словоизменительного статуса этого показателя в [Ханина, Шлуинский 2019]. По-видимому, происхождением этого показателя объясняется и частично сохраняющаяся сочетаемость будущего времени с показателем условного деепричастия (а также с некоторыми другими показателями времени и наклонения). Снижение частотности употребления показателя будущего времени в составе форм условного деепричастия, возможно, является одним из проявлений его перехода в полноценный словоизменительный показатель времени⁷.

3. Условное деепричастие в зависимых клаузах

3.1. Сентенциальные дополнения при ментальных предикатах

Сентенциальные дополнения при ментальных предикатах не являются наиболее распространенным типом зависимых клауз с условным деепричастием, однако они наиболее тесно связаны с употреблением условного деепричастия в независимых клаузах, поэтому здесь они рассматриваются раньше, чем наиболее частотные употребления в протасисе условных конструкций.

Клауза с условным деепричастием может рассматриваться как ирреальный сентенциальный актант при предикатах отрицательной пропозициональной установки и получения знания, см. об этих классах в [Noonan 2007: 124—126, 129—130], например *dʒaxara* ‘не знать’, *dʒurta* ‘забыть’, *mɔdis* ‘увидеть’ и др.:

- (19) *dʒaxara-? nʲe-zu?, ɔbu sama ɛ-bune-da tʃike-r*
не_знать-CONN NEG-1SG.S.CONT что птица быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG этот-NOM.SG.2SG
‘Я же не знаю, что это за птица’⁸. [LD080819_VIDPTI_009]
- (20) *entfey-? daze nʲi-zu? kamize-r-? ɔr-noju kunʲ dʒiri-du-bu-tu?*
человек-PL даже NEG-3PL.SOSg понять-MULT-CONN перед-ADV как жить-FUT-CVB.COND-OBL.SG.3PL
‘Люди даже не понимают вперед, как они будут жить’. [ASP_NNB940905_INT_ASP_031]

Согласно [Noonan 2007: 126], сентенциальные актанты предикатов отрицательной пропозициональной установки часто по форме совпадают с вопросами. В лесном энецком языке можно увидеть следующие свидетельства недавнего развития независимых вопросов говорящего самому себе с условным деепричастием в сентенциальные актанты при таких глаголах.

Между поколениями носителей есть различия в круге предикатов, при которых встречаются клаузы с условным деепричастием. В текстах носителей старшего поколения распространены прежде всего употребления с вводным элементом *dʲekar* ‘я не знаю’ (21).

⁷ Другой причиной этого различия может быть меньшая склонность к построению морфологически сложных форм более молодыми носителями, связанная с языковой аттрицией.

⁸ Клаузы с отрицательным глаголом и показателями контрастивной видо-временной серии, как в первой клаузе примера (19), имеют утвердительную интерпретацию и предполагают, что истинность выраженной ими пропозиции очевидна (этот прагматический компонент отсутствует у клауз с глаголом *tan* ‘говорить’, которые используются просто для введения прямой речи), см. [Шлуинский 2010].

- (21) *ɔbu dia-xaz tɔza-bu-ta diekar entfɛ-do-da*
 что земля-ABL.SG принести-CVB.COND-OBL.SG.3SG не_знаю человек-DEST.SG-OBL.SG.3SG
 ‘Я не знаю, с какой земли он найдет себе человека’. [VNB9111_UROD_195]

Употребления с *diekar* синтаксически, скорее всего, не предполагают зависимого статуса клаузы с условным деепричастием. В работе [Урманчиева 2014: 590] примеры с этим словом рассматриваются в ряду независимых употреблений и отмечается, что оно часто сопровождает вопросы с условным деепричастием. Тем не менее в нашем исследовании употребления со словом *diekar* относились к классу зависимых, поскольку они, по-видимому, составляют первый шаг на пути развития условного деепричастия в способ оформления сентенциального актанта. Уже в речи носителей старшего поколения условное деепричастие иногда используется при глаголе *dɔxara* ‘не знать’ (22) и при отрицательной форме глагола *kamiza* ‘понять’. В нескольких примерах содержится и полноценный матричный глагол, и вводный элемент *diekar*:

- (22) *dɔxara-a, eke tɔɔ ɛ-za-bu-tfi? badun, diekar*
 не_знать-1SG.SOSg этот лето быть-FUT-CVB.COND-OBL.SG.3DU тундра.LOC не_знаю
 ‘Не знаю, будут ли они этим летом в тундре, я не знаю’. [MNS_NNB90S_INT_MNS_124]

В текстах носителей более молодого поколения употребления с вводным элементом *diekar* почти не встречаются (правда, судя по данным корпуса, он в целом менее употребителен в их речи). Помимо глагола *dɔxara* ‘не знать’ и отрицательной формы глагола *kamiza* ‘понять’, клаузы с условным деепричастием фиксируются при глаголах *dɔrta* ‘забыть’, *mɔdis* ‘увидеть’ (23) и *ɔte* ‘ждать’ (24). Примечательны такие употребления, в которых эти глаголы имеют референцию к будущему времени, а модальность неуверенности, связанная с условным деепричастием, относится к точке отсчета, задаваемой формой матричного глагола, а не к моменту речи (23)—(24).

- (23) *mɔdi-t nɛ-bu? ʃee ɛ-bune-da*
 увидеть-FUT.CONN NEG-1SG.SOSg.CONT кто быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 ‘Я ведь увижу, кто это’. [LD080815_PRI2_017]
- (24) *pi-no-ju adi-guri-j? ekon, ɔte-xu-j?, to-bune-da*
 ночь-ADV-RESTR.ADJ сидеть-IMP_SFT-1DU.S/SOSg этот.LOC
 ждать-NORT-1DU.S/SOSg прийти-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 ‘Ночью здесь будем сидеть, будем ждать, когда он придет’. [LD080819_ZAG_031]

Помимо расширения круга предикатов, возможно, происходит рост частотности употреблений с сентенциальными актантами, оформленными условным деепричастием: в текстах носителей более молодого поколения они становятся более частотными по сравнению с независимыми употреблениями в функции вопросов говорящих самим себе (вопроса-предположения или специального вопроса), хотя эти различия и недостаточно значительны для того, чтобы можно было уверенно говорить об этом изменении.

3.2. Протасис условных конструкций

Как уже говорилось, чаще всего условное деепричастие используется в протасисе условных конструкций. К этому типу были отнесены все случаи, в которых клауза с условным деепричастием описывает обстоятельство, обуславливающее или сопровождающее ситуацию, описываемую в главной клаузе. Большинство таких употреблений можно отнести к собственно условным конструкциям. Они описывают ситуации различной степени гипотетичности и с разной временной референцией. Среди них можно найти примеры всех семантических разновидностей условных конструкций, выделяемых в [Thompson et al. 2007: 255—256], — конструкции с реальным условием, соответствующим ситуации в настоящем (25), прошлом или генерической/хабитуальной ситуации (26), и конструкции с ирреальным условием, соответствующим гипотетической, контрфактической (27) или предсказываемой (28) ситуации.

- (25) *ɔnse-j dɔri-bu-t, seju-r teza? kan-t nɛ-u?*
 правдивый-EXC2 жить-CVB.COND-OBL.SG.2SG сердце-NOM.SG.2SG сейчас уйти-FUT.CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Если ты вправду живой, ты сейчас испугаешься’. [RODNSL_TRBR_089]
- (26) *kasa-j? i-bu-t diezurijr-? mɛ-kone-da ɛ-ubi*
 мужчина-NOM.SG.1SG NEG-CVB.COND-OBL.SG.3SG дежурить-CONN чум-LOC.SG-OBL.SG.3SG быть-НАВ.3SG.S
 ‘Если мой товарищ не дежурит, то он бывает дома’. [VNB9306_KAKZHI_102]

- (27) *to-bu-t* *kaje-j* *ti-zi-na?*
 прийти-CVB.COND-OBL.SG.2SG остаться-PTCP.ANT олень-DEST.PL-PL.1PL
mod'ina? soxran'i-n'i-atf
 мы сохранить-CONJ-1PL.S/SOSg.PST
 'Если бы ты пришел, оставшихся оленей мы бы сохранили'. [SPB_XXX70S80S_SPB_019]
- (28) *tər kəma-ru-bu-ta* *korse-ru* *piinure-za* *əburu təzu-ta*
 так хотеть-INCH-CVB.COND-OBL.SG.3SG какой-RESTR быть_страшным-PTCP.SIM вещь принести-FUT.3SG.S
 'Так он, если захочет, всяких страшных животных приведет'. [NSP90S_ENRU_086]

В описаниях энецкого языка у условного деепричастия в зависимых клаузах выделяются и другие значения, прежде всего временное [Siegl 2013: 440; Сорокина 2010: 348]. В частности, как временные трактуются конструкции с условием, соответствующим хабитуальной ситуации в настоящем (25) или прошлом или генерической ситуации (29), к которым относится значительная часть зафиксированных в текстах условных конструкций⁹.

- (29) *else diepi-za-xan,* *te-r*
 такой быть_жарким-PTCP.SIM-LOC.SG олень-NOM.SG.2SG
ne-bune-da, *n'i-u?* *pujitur-?*
 стоять-CVB.COND-OBL.SG.3SG NEG-3SG.S.CONT фыркать-CONN
 'В такую жару, олень ведь, когда стоит, фыркает'. [LD080825_PCHE_048]

Примеры, которые можно считать только временными, но не условными конструкциями, единичны. Это употребления, описывающие единичные события в прошлом, в истинности которых, насколько можно судить по контексту и переводу, говорящий не сомневается, ср. (30).

- (30) *toni-n kan'ie-bu-tfi?* *kasa-da* *majza-bi-za*
 туда-LOC уйти-CVB.COND-OBL.SG.3DU мужчина-OBL.SG.3SG замучить-PRF-3SG.SOSg
 'Когда они туда пошли, он того товарища убил'. [LD100630_BOR_078]

У зависимых клауз с условным деепричастием в энецком языке [Сорокина 2010: 348], как и в ненецком [Буркова 2004: 144—146], выделяются и другие значения, например причинное, однако полипредикативных конструкций, которые обладали бы такой семантикой в чистом виде и не могли бы рассматриваться как условные, в текстах не обнаружено (отдельно ниже рассматриваются условно-уступительные конструкции). Примечательно, что при анализе ненецкой условной формы С. И. Буркова [2004: 145] отмечает, что во всех типах полипредикативных конструкций с этой формой зависимая клауза содержит модальный компонент эпистемической возможности и соответствует предположению говорящего, которое может быть подтверждено или опровергнуто.

Между употреблениями условного деепричастия в протасисе условных конструкций и его независимыми употреблениями в клаузах с функцией предположения, или общего вопроса, можно усмотреть семантическую близость. Как и предположение или общий вопрос, условная клауза описывает ситуацию, осуществление которой говорящий допускает с большей или меньшей вероятностью, однако не утверждает его истинность или ложность¹⁰. В силу этой семантической близости естественно предположить, что эти два типа употребления условного деепричастия диахронически связаны между собой. Можно привести аргументы в пользу каждого из двух возможных направлений этой связи.

В целом полипредикативные подчинительные конструкции могут возникать на основе сочетания двух независимых клауз, между которыми устанавливается какая-либо дискурсивная или семантическая связь, и в ходе интеграции одна из этих клауз становится зависимой, см. об этом процессе, в частности, [Norreg, Traugott 2003: 176—184]. В то же время существует явление расподчинения (в англоязычной

⁹ Семантически хабитуальные/генерические условные конструкции, в отличие от других типов, прагматически бессмысленны в случае, если описываемая в протасисе ситуация не происходит никогда, и этим они отличаются от «классических» гипотетических условных конструкций, см. обсуждение этого типа в [Athanasiadou, Dirven 1997]. Как отмечается в [Athanasiadou, Dirven 1995: 613], такие условные конструкции в лучшем случае рассматриваются в литературе как периферийный тип, хотя корпусные данные английского языка показывают, что они составляют один из наиболее частотных типов конструкций с *if*, наряду с классическими гипотетическими условными конструкциями.

¹⁰ Отсутствие истинностного значения требует специального обсуждения в случае хабитуальных/генерических условных конструкций, поскольку описываемые ими ситуации, как упоминалось в сноске 9, должны происходить хотя бы иногда, и в случае конструкций с контрфактическим протасисом, который описывает уже не произошедшую ситуацию (см., впрочем, обсуждение этой проблемы в [Comrie 1986: 90]).

литературе для него обычно используется термин *insubordination*), при котором у подчиненной клаузы развивается способность употребляться независимо, см. [Evans 2007; Beijering et al. (Eds.) 2019]. Такое явление широко засвидетельствовано для клауз, оформленных как протасис условной конструкции [Evans 2007: 380, 387; Lindström et al. 2019].

Существенно, что для клауз, которые служат источником грамматикализации протасиса условных конструкций, характерен иной круг значений, чем для конструкций, которые возникают в результате расподчинения протасиса. Распространенным источником для протасиса является общий вопрос, ср. обзор таких случаев в [Van den Nest 2010: 93—95]. Согласно Э. Трауготт [Traugott 1985: 290—291], показатели условной клаузы также часто восходят к модальным словам, выражающим эпистемическую возможность, т. е. служащим для выражения предположения в независимых клаузах. Конструкции, возникающие в результате расподчинения протасиса, чаще всего используются в императивной зоне в широком смысле — в функции просьбы или команды, а также в желательном значении [Evans 2007: 380, 387; Dwyer 2016]. В свете этих представлений можно было бы предположить, что употребления энецкого условного деепричастия в независимых клаузах с функцией вопроса диахронически первичны и что они послужили источником для употреблений в полипредикативных конструкциях.

Другим аргументом в пользу диахронически первичного статуса независимых употреблений может быть то, что они включают не только общие, но и специальные вопросы. Если считать, что употребления в функции общего вопроса, или предположения, возникли в результате расподчинения протасиса, то остается неясным, каков источник специального вопроса¹¹.

Аргументом против гипотезы о первичности независимых употреблений условного деепричастия может быть его морфологическое поведение: субъект клаузы маркируется на нем с помощью посессивных показателей, что указывает на именное происхождение данной формы, ср. [Терещенко 1979: 277—278]. Кроме того, в близкородственных языках для аналогичной формы функция маркирования протасиса условной конструкции также является основной, см. о ненецком в [Буркова 2004], о нганасанском в [Терещенко 1979: 277; Wagner-Nagy 2018: 270—271]. Таким образом, если независимые употребления энецкого условного деепричастия и являются диахронически первичными, следы этого развития едва ли можно было бы обнаружить на материале имеющихся текстов.

Тем не менее между текстами носителей двух поколений, возможно, существует различие, касающееся взаимного расположения условной клаузы и клаузы-аподосиса. Условные конструкции можно разделить на такие, в которых условная клауза предшествует аподосису — таких примеров большинство, ср. (25)—(30), — и такие, в которых условная клауза следует за аподосисом (31)¹².

- (31) *kad'a-f tene, kezەر kaza-da, kezەر ko-bu-ta*
 охотиться-CVB знать.3SG.S дикий_олень добыть-FUT.3SG.S дикий_олень найти-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 'Он умеет охотиться, добудет дикого оленя. Если ему встретится дикий олень'. [MNS_NNB90S_INT_MNS_062]

Распределение употреблений условного деепричастия в протасисе в зависимости от взаимного расположения клауз в речи носителей двух поколений представлено в таблице 3.

Таблица 3 показывает, что в текстах носителей более молодого поколения аподосис несколько чаще находится в постпозиции, чем в текстах носителей старшего поколения. Поскольку в энецком языке в нормальном случае зависимая клауза предшествует главной, это различие может свидетельствовать о росте интеграции двух клауз в рамках условных конструкций, который проявляется в более фиксированном порядке расположения клауз.

¹¹ К специальному вопросу ближе всего протасис условно-уступительных конструкций, которые обсуждаются далее в разделе 3.3, однако он обладает большей сложностью и в формальном, и в семантическом отношении, поэтому является маловероятным источником для специального вопроса с условным деепричастием.

Один из рецензентов предполагает, что диахроническое соотношение между энецкими конструкциями с условным деепричастием может быть следующим: протасис условных конструкций послужил источником для синтаксических актантов при ментальных предикатах, обсуждавшихся в разделе 3.1, а независимые употребления в функции вопроса возникли в результате расподчинения синтаксических актантов. Однако, как было показано в разделе 3.1, различия между поколениями говорят об обратном соотношении синтаксических актантов при ментальных глаголах и независимых употреблений. Также можно отметить, что независимые клаузы с условным деепричастием гораздо более частотны, чем синтаксические актанты.

¹² Также существует группа употреблений условного деепричастия, которые можно охарактеризовать как протасис, при котором отсутствует аподосис. По-видимому, такие употребления представляют собой речевые сбои, однако любопытно, что они более распространены в речи носителей старшего поколения.

Таблица 3. Взаимное расположение аподосиса и условной клаузы

Г. р. носителей	Аподосис в препозиции	Аподосис в постпозиции	Доля употреблений с постпозицией аподосиса
До 1940	18	112	0,86
После 1940	23	240	0,91

В конце раздела 2 было показано, что у носителей старшего поколения показатель будущего времени присутствует в формах условного деепричастия в независимых клаузах, реферирующих к ситуации в будущем, чаще, чем в текстах более молодых носителей. В формах условного деепричастия в условных клаузах показатель будущего времени практически не встречается, так что в текстах обоих поколений формы условного деепричастия с показателем будущего времени встречаются в независимых клаузах значимо чаще, чем в условных конструкциях (точный тест Фишера, $p < 0,001$). В таблице 4 показано распределение форм условного деепричастия, реферирующих к будущему времени, с точки зрения наличия показателя и типа употребления (суммарно для обоих поколений носителей).

Таблица 4. Наличие показателя будущего времени в форме условного деепричастия с референцией к будущему в зависимости от типа употребления

Тип употребления	Показатель присутствует	Показатель отсутствует	Доля примеров с показателем
Независимые клаузы	9	28	0,2
Условные конструкции	2	120	0,02

Это различие может быть связано с тем, что в составе условных клауз условное деепричастие в меньшей степени обладает способностью к самостоятельной временной референции, поскольку его временная референция определяется тем, какая форма употреблена в главной клаузе. Это различие также можно трактовать как проявление значительной интеграции клауз в условных конструкциях¹³ — как упоминалось во введении, ограничения на выражение модально-временных противопоставлений являются одним из проявлений высокой степени интеграции зависимой клаузы, см. [Lehmann 1988].

3.3. От условных клауз к сентенциальным подлежащим

Среди полипредикативных конструкций выделяется группа употреблений, в которых клаузу с условным деепричастием можно рассматривать либо как протасис условной конструкции, либо как сентенциальное подлежащее при предикатах *sojza* ‘хороший’, *bɔɔ* ‘плохой’ и некоторых других.

- (32) *be-za* *entfe-ma?* *ti-xini-ta* *ε-bune-da* *sojza*
 дежурить-PTCP.SIM человек-NOM.SG.1PL олень-LOC.PL-OBL.PL.3SG быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG хороший
 ‘Нашему дежурному хорошо бы быть с оленями’. [LD100715_VOL_056]

- (33) *tɔz₁ tfikoz₂ εba-d* *tferi-go-bu-t* *bɔɔ*
 потом_{1,2} голова-OBL.SG.2SG причесть-DUR-CVB.COND-OBL.SG.2SG плохой
 ‘Далее, голову расчесывать плохо’ {во время грозы}. [VNB961119_PRIM_011]

Если рассматривать такие конструкции как условные, то следует постулировать невыраженное подлежащее при оценочном предикате в главной клаузе, а более точным переводом примера (33) было бы ‘Если расчесываешь голову, это плохо’. Такой анализ не противоречит формальному устройству этой конструкции, поскольку в целом при таких предикатах анафорическое местоимение часто отсутствует. Тем не менее есть аргументы за то, чтобы выводить такие употребления из числа условных конструкций и анализировать их как конструкции с сентенциальным подлежащим и семантикой деонтической модальности.

Во-первых, в таких конструкциях клауза с условным деепричастием чаще находится в препозиции к предикату главной клаузы, чем в несомненных условных конструкциях (χ^2 , $p \approx 0,02$), хотя и в послед-

¹³ В отличие от условных клауз, в сентенциальных актантах с условным деепричастием, обсуждавшихся в разделе 3.1, при референции к будущему показатель будущего времени используется не реже, чем в независимых клаузах (в 4 случаях из 11), что указывает на недавнее развитие и слабую интеграцию зависимой клаузы в этих конструкциях.

них нормой является препозиция зависимой клаузы. Распределение употреблений с точки зрения расположения клауз в двух типах конструкций представлено в таблице 5.

Таблица 5. Расположение клауз в условных конструкциях и в конструкциях с предикатами *səjza* ‘хороший’, *bəz* ‘плохой’ и т. п.

	Клауза с условным деепричастием		Доля случаев препозиции
	в препозиции	в постпозиции	
Условные конструкции	352	41	0,90
Конструкции с предикатами <i>səjza</i> ‘хороший’, <i>bəz</i> ‘плохой’ и т. п.	94	3	0,97

Это различие можно интерпретировать как признак большей интеграции клаузы с условным деепричастием в конструкциях с предикатами *səjza* ‘хороший’ и *bəz* ‘плохой’ и ее большее сходство с подлежащим.

Во-вторых, в главной клаузе обычно отсутствует морфологическое маркирование, которое ожидалось бы для аподосиса условной конструкции. В целом в энецком языке при референции к настоящему и отсутствию каких-либо модальных рамок именные предикаты употребляются без связочного глагола, как в примерах (32)—(33). В других случаях используется глагол *ε* ‘быть’ с видо-временными или ирреальными маркерами. В частности, при гипотетической условной клаузе в аподосисе ожидается глагол ‘быть’ с маркером конъюнктива или иным показателем эпистемической модальности, как в примерах (34)—(35).

- (34) *te-zo-da* *kaza-bu-ni?* *səjza* *ε-zaraxa*
 олень-DEST.SG-OBL.SG.3SG добыть(pfv)-CVB.COND-OBL.SG.1DU хороший быть-SUPP.3SG.S
 ‘Хорошо бы нам забить ему оленя’. [RODNSL_TRBR_070]

- (35) *kanje-bu-ni?* *səjza* *ε-ta-u?*
 уйти-CVB.COND-OBL.SG.1SG хороший быть-PROB-3SG.S.CONT
 ‘Уйти мне хорошо бы, наверное’. [NSP70S90S_OLAS_256]

Употребления, в которых такое маркирование присутствует, преимущественно относятся к текстам носителей старшего поколения. Таблица 6 показывает, как распределены употребления с условной клаузой при предикатах *səjza* ‘хороший’, *bəz* ‘плохой’ и под. с точки зрения наличия глагола ‘быть’, а значит и видо-временной и модальной модификации, в главной клаузе (различие приближается к порогу статистической значимости, точный тест Фишера, односторонний вариант, $p \approx 0,07$).

Таблица 6. Глагол ‘быть’ в главной клаузе с предикатами *səjza* ‘хороший’, *bəz* ‘плохой’

Г. р. носителей	Глагол присутствует	Глагол отсутствует	Доля употреблений с экзистенциальным глаголом
До 1940	26	34	0,43
После 1940	6	19	0,24

Это различие нельзя объяснить ростом интеграции клауз, поскольку редукция модально-временных противопоставлений ожидается для зависимой клаузы, а в данном случае речь идет о главной. Возможно, оно связано с тем, что со временем главная клауза в этой конструкции перестает обозначать конкретную ситуацию, локализованную во времени и имеющую модальную рамку, и начинает передавать семантику деонтической модальности с генерической временной отнесенностью.

Особый статус конструкций с предикатами *səjza* ‘хороший’ и *bəz* ‘плохой’ отражен в [Siegl 2013: 449], где они рассматриваются как пермиссивные конструкции с сентенциальным подлежащим. В качестве примеров этой конструкции Ф. Зигль приводит вопросительные предложения, с помощью которых говорящий спрашивает разрешения на осуществление действия (переводы примеров содержат английский модальный глагол *may*). Такие предложения встречаются и в нашем корпусе текстов, ср. (36), однако существенно, что модальный компонент присутствует не только в подобных вопросах, но и в утвердительных конструкциях с предикатами *səjza* ‘хороший’ и *bəz* ‘плохой’.

- (36) *tfu-bu-ni?* *səjza*
 войти-CVB.COND-OBL.SG.1DU хороший
 ‘Можно нам войти?’ [NK090803_SBE_046]

Употребление условного деепричастия в качестве вершины сентенциального подлежащего при адъективных предикатах также отмечается для нганасанского языка, см. [Терещенко 1979: 278; Wagner-Nagy 2018: 271—272, 367—368]. Б. Вагнер-Надь отдельно упоминает конструкции с предикатом ‘хороший’, передающие значение необходимости или долженствования¹⁴.

Примечательно, что в энецких текстах, помимо предикатов *szja* ‘хороший’ и *bəz* ‘плохой’, в нескольких примерах с подобной конструкцией употреблен глагол *tara* ‘надо’ (37), при котором обычно используется деепричастие на *-f* (38).

- (37) *məzara-bu-ni?* *tara-?* *ni-u?*
 работать-CVB.COND-OBL.SG.1SG надо-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Мне ведь нужно работать’. [VNB9306_KAKZHI_090]

- (38) *təna, mana, kad'a-bu?* *szja, kad'a-f* *tara-?* *ni-u?*
 еще сказать.3SG.S охотиться-CVB.COND хороший охотиться-CVB надо-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Еще, он сказал, охотиться хорошо бы, охотиться ведь нужно’. [NSP90S_BYK_083]

Для предиката *tara* ‘надо’ естественно использоваться с сентенциальным подлежащим, а анализ примеров, подобных (37), как условных конструкций с нулевым подлежащим в главной клаузе представляется гораздо менее убедительным, чем для примеров с предикатами *szja* ‘хороший’ и *bəz* ‘плохой’. Тем самым, хотя для самого предиката *tara* такие употребления являются маргинальными, они показывают возможность оформления сентенциального подлежащего показателем условного деепричастия. Также такое оформление зависимой клаузы при предикате *tara* ‘надо’ указывает на сближение между ним и предикатами *szja* ‘хороший’ и *bəz* ‘плохой’, которые в этой конструкции также используют преимущественно как модальные.

Таким образом, конструкции с предикатами *szja* ‘хороший’ и *bəz* ‘плохой’ в главной клаузе и условным деепричастием в зависимой клаузе можно рассматривать как результат развития от условных конструкций к модальным конструкциям с сентенциальным подлежащим.

3.4. Условно-уступительные конструкции

Последний тип употреблений условного деепричастия в зависимых клаузах, выделенный на материале текстов, — условно-уступительные конструкции (39)—(40).

- (39) *əbu təne-bu-ta,* *luk təne-bu-ta,*
 что иметься-CVB.COND-OBL.SG.3SG лук иметься-CVB.COND-OBL.SG.3SG
tʃesnək təne-bu-ta *⟨...⟩ tərse-ku-z* *məta-da-d*
 чеснок иметься-CVB.COND-OBL.SG.3SG такой-DIM1-NOM.PL.2SG отрезать-FUT-2SG.S
 ‘Что есть, лук ли есть, чеснок ли есть, такое порежешь’. [LD100711_RAZDE_017]

- (40) *əbu kuni-ru d'iritfu se?i-bu-ta* *no maza?a-ku-d* *bii?e-d*
 что как-RESTR жизнь быть_тяжелым-CVB.COND-OBL.SG.3SG хоть работа-DIM1-OBL.SG.2SG помнить-2SG.S
 ‘Что, какой бы жизнь ни была тяжелой, ты думаешь о своей работенке’. [EIB_NNB90S00S_INT2_EIB_057]

Условно-уступительные конструкции описывают такое отношение между двумя ситуациями, при котором при любом значении протасиса аподосис является истинным [König 1986; Haspelmath, König 1998]. В альтернативных условно-уступительных конструкциях (39) протасис может принимать два значения (обычно *p* и не-*p*), при любом из которых аподосис является истинным. В примерах из текстов в конструкциях этого типа обычно рассматривается два или более альтернативных участника, выраженных отдельными клаузами, как в (39). В универсальных условно-уступительных конструкциях (40) в протасисе содержится квантор, при любом значении которого аподосис является истинным. В энецком языке этот квантор выражается с помощью вопросительного слова, к которому обычно присоединяется т. н. рестриктивный маркер, передающий в базовом случае значение ‘только’, ср. *kuni-ru* в (40).

Выше обсуждался параллелизм между независимыми употреблениями условного деепричастия в функции общего вопроса, или предположения, и его употреблениями в протасисе условных конструкций.

¹⁴ Существование параллельной конструкции в родственных языках может быть аргументом против того, что в энецком языке она является результатом недавнего развития. Альтернативное объяснение изменения, отраженного в таблице 6, может состоять в том, что в речи более молодых носителей менее частотны конструкции, более сложные в семантическом и формальном плане.

Сходным образом, можно видеть близость между вопросами говорящего самому себе, содержащими несколько альтернатив, см. обсуждение примеров (9)—(10) в разделе 2, и альтернативными условно-уступительными конструкциями (39), а также между специальными вопросами говорящего самому себе и универсальными условно-уступительными конструкциями (40), которые также содержат вопросительное слово. Однако ни в одном из этих случаев данные текстов не содержат следов диахронической связи между этими парами конструкций. Более того, условно-уступительные конструкции, которые и в целом гораздо реже условных, чаще встречаются в текстах носителей старшего поколения (различие статистически значимо, χ^2 , $p < 0,01$). Соотношение этих двух типов конструкций в текстах двух поколений носителей представлено в таблице 7.

Таблица 7. Условно-уступительные и условные конструкции в текстах двух поколений носителей (число и доля от общей суммы)

Г. р. носителей	Условные конструкции	Условно-уступительные конструкции
До 1940	152 (0,87)	23 (0,13)
После 1940	295 (0,98)	5 (0,02)

Возможно, снижение частотности условно-уступительных конструкций в текстах носителей более молодого поколения является одним из проявлений утраты более сложных в семантическом и синтаксическом отношении структур, происходящей в ходе языковой аттриции.

5. Обобщение: условное деепричастие в независимых и зависимых клаузах

Цель данного исследования состояла в том, чтобы описать функции условного деепричастия лесного энецкого языка в независимых и зависимых клаузах, установить семантические и возможные диахронические связи между ними и проследить изменения в употреблении этой формы на материале текстов, записанных от носителей двух разных поколений. Обобщение системы употреблений условного деепричастия в энецком языке представлено в таблице 8. Между соседними типами употребления в каждой из строк можно либо установить семантический параллелизм, который не сопровождается свидетельствами диахронического развития, либо предположить диахроническую связь, которая обозначается стрелкой.

Таблица 8. Система употреблений условного деепричастия

Независимые клаузы		Зависимые клаузы	
		Обстоятельственные клаузы	Сентенциальные актанты
Общий вопрос (предположение)	Протасис условных конструкций →		Сентенциальные подлежащие при предикатах 'хороший', 'плохой' и т. п.
Специальный вопрос			Сентенциальные дополнения при ментальных глаголах
Альтернативный вопрос	Протасис условно-уступительных конструкций		

В соответствии с предшествующими описаниями, независимые клаузы с условными деепричастиями в текстах используются в функции вопросов говорящего самому себе: общих вопросов, которые также можно описывать как предположения, альтернативных и специальных вопросов. Таким образом, в независимых употреблении условное деепричастие используется как форма с модальным значением эпистемической возможности.

Зависимые клаузы с условным деепричастием можно разделить на обстоятельственные клаузы и сентенциальные актанты. К обстоятельственным клаузам с условным деепричастием относятся протасис условных конструкций и протасис условно-уступительных конструкций. Направление диахронических отношений между этими типами зависимых клауз и независимыми употреблением условного деепричастия установить затруднительно. В пользу диахронической первичности независимых употреблений говорят, во-первых, типологические сведения о распространенных сценариях грамматикализации условных конструкций, а во-вторых, наличие специальных вопросов с условным деепричастием, которые сложно возвести к какому бы то ни было типу зависимых клауз. Аргументами за диахроническую первичность

употреблений в протасисе условных конструкций являются именная морфология условного деепричастия, а также центральный статус этой функции у аналогичной формы в близкородственных языках.

Сентенциальные актанты с условным деепричастием включают сентенциальные подлежащие в модальных конструкциях с предикатами *sojza* ‘хороший’, *bəə* ‘плохой’ и некоторыми другими, а также сентенциальные дополнения при ментальных глаголах отрицательной пропозициональной установки, таких как *d'oxara* ‘не знать’ и *d'urta* ‘забыть’. Конструкции с сентенциальным подлежащим с формой условного деепричастия, по-видимому, появились на основе условных конструкций с соответствующими предикатами в аподосисе. Сентенциальные дополнения при ментальных глаголах, предположительно, возникли на основе паратактических употреблений, в которых ментальный глагол употреблялся рядом с независимой клаузой — вопросом с условным деепричастием.

Употребления условного деепричастия в сентенциальных актантах при ментальных глаголах предположительно являются результатом недавних синтаксических изменений, на что указывают различия в их употреблении в текстах носителей разных поколений. Менее уверенно о недавнем развитии можно говорить применительно к конструкциям с предикатами *sojza* ‘хороший’, *bəə* ‘плохой’ и др. Еще одно изменение, которое было выявлено на материале текстов, заключается в распространении у условного деепричастия глагола *ε* ‘быть’ употреблений, в которых он функционирует как маркер приблизительно-го количества в конструкциях с числительными. (Это изменение следует трактовать как случай лексикализации, поэтому оно не было включено в таблицу 8.)

В целом выявленные различия между поколениями носителей свидетельствуют о развитии у условного деепричастия новых функций, происходящем параллельно процессам аттриции и снижения сложности в области нефинитных форм, см. [Овсянникова, Ханина 2018]. Часть обнаруженных различий сложно интерпретировать однозначно как проявление одного или другого из этих процессов, поскольку интеграция клауз и грамматикализация конструкций сопровождаются формальной и семантической редукцией, которая может происходить и в результате аттриции.

Сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	LOC — локатив
ABL — аблатив	M — медиальный глагол / тип спряжения
ACC — аккузатив	MULT — мультипликатив
ADJ — адъективизатор	NEG — отрицательный глагол
ADV — адвербиализатор	NMLZ — номинализация
CONJ — конъюнктив	NOM — номинатив
CONN — коннегатив	OBL — обликвус
CONT — показатель контрастивной видо-временной серии	PL — множественное число
CVB — деепричастие	PRF — перфект
CVB.COND — условное деепричастие	PROB — пробабилитив
DAT — датив	PROL — пролатив
DEST — дестинатив	PST — прошедшее время
DIM — диминутив	PTCP.ANT — причастие предшествования
DU — двойственное число	PTCP.SIM — причастие одновременности
DUR — дуратив	RESTR — рестриктивный суффикс
EXC — экскламатив	S — субъектный тип спряжения
FOC — маркер фокуса	SG — единственное число
FUT — будущее время	SONsg — субъектно-объектный тип спряжения для не-
HAB — хабишуалис	единственного числа объекта
HORT — гортатив	SOSg — субъектно-объектный тип спряжения для един-
IMP_SFT — мягкое повеление	ственного числа объекта
INCH — инхоатив	SUPP — предположительное наклонение

Литература

- Буркова 2004 — С. И. Буркова. Условная форма глагола в ненецком языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 143—170.
- Добрушина 2016 — Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.

Овсянникова, Ханина 2018 — М. А. Овсянникова, О. В. Ханина. Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка) // Кс. П. Семенова (ред.) Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции. М.: Буки Веди, 2018. С. 151—158.

Сорокина 1984 — И. П. Сорокина. Будущее время в энецком языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Вопросы самодийского и енисейского языкознания. Сборник научных трудов. Томск: Изд. Томского пединститута, 1984. С. 115—120.

Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.

Терещенко 1979 — Н. М. Терещенко. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979.

Урманчиева 2014 — А. Ю. Урманчиева. Формы со значением эпистемической модальности в лесном диалекте энецкого языка // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 579—595.

Урманчиева 2016 — А. Ю. Урманчиева. Аналитические формы «модального инферентива» в лесном энецком // *Linguistica Uralica* LII. 2016, 2. Р. 122—140.

Ханина, Шлуинский 2019 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Система форм с референцией к будущему в энецком языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1 (23). С. 83—96.

Шлуинский 2010 — А. Б. Шлуинский. Контрастивные глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка // С. И. Буркова (отв. ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, Институт филологии, 2010. С. 279—291.

Шлуинский 2017 — А. Б. Шлуинский. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида // Вопросы языкознания. 2017, 3. С. 24—52.

Athanasiadou, Dirven 1995 — A. Athanasiadou, R. Dirven. The typology of *if*-clauses // E. H. Casad (ed.). *Cognitive linguistics in the Redwoods. The expansion of a new paradigm in linguistics*. Berlin; New York, 1995. P. 609—654.

Athanasiadou, Dirven 1997 — A. Athanasiadou, R. Dirven. Conditionality, hypotheticality, counterfactuality // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On conditionals again*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 61—96.

Beijering et al. (eds.) 2019 — K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019.

Brenier, Michaelis 2005 — J. M. Brenier, L. A. Michaelis. Optimization via syntactic amalgam: Syntax-prosody mismatch and copula doubling // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005, 1 — 1. P. 45—88.

Comrie 1986 — B. Comrie. Conditionals: A typology // E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, Ch. A. Ferguson (eds.). *On Conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 77—99.

Dwyer 2016 — A. M. Dwyer. Ordinary insubordination as transient discourse // N. Evans, H. Watanabe (eds.). *Insubordination*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 183—208.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 366—431.

Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 563—640.

Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

König 1986 — E. König. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 229—640.

Lambrecht 1988 — K. Lambrecht. There was a farmer had a dog: Syntactic amalgams revisited // *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1988. P. 319—339.

Lehmann 1988 — Ch. Lehmann. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 181—225.

Lindström et al. 2019 — J. Lindström, R. Laury, C. Lindholm. Insubordination and the contextually sensitive emergence of 'if' requests in Swedish and Finnish institutional talk-in-interaction // K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019. P. 55—77.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: *Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52—150.

Siegl 2013 — F. Siegl. *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

Thompson et al. 2007 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, J. Hwang Shin Ja. Adverbial clauses // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: *Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 237—269.

Traugott 1985 — E. C. Traugott. Conditional markers // J. Haiman (ed.). *Iconicity in Syntax*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 289—307.

Van den Nest 2010 — *D. Van den Nest. Should conditionals be emergent...* Asyndetic subordination in German and English as a challenge to grammaticalization research // *A. Van linden, J.-Ch. Verstraete, K. Davidse* (eds.). *Formal Evidence in Grammaticalization Research*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 93—136.

Wagner-Nagy 2018 — *B. Wagner-Nagy. A Grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill, 2018.

References

Athanasiadou, Dirven 1995 — A. Athanasiadou, R. Dirven. The typology of if-clauses. In: E. H. Casad (ed.). *Cognitive linguistics in the Redwoods. The expansion of a new paradigm in linguistics*. Berlin; New York, 1995. P. 609—654.

Athanasiadou, Dirven 1997 — A. Athanasiadou, R. Dirven. Conditionality, hypotheticality, counterfactuality. In: A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On conditionals again*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 61—96.

Beijering et al. (eds.) 2019 — K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019.

Brenier, Michaelis 2005 — J. M. Brenier, L. A. Michaelis. Optimization via syntactic amalgam: Syntax-prosody mismatch and copula doubling. In: *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005, 1 — 1. P. 45—88.

Burkova 2004 — S. I. Burkova. Uslovnaya forma glagola v neneckom yazyke. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 14. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2004. S. 143—170. {S. I. Burkova. Conditional form of the verb in the Nenets language. In: *Languages of indigenous peoples of Siberia*. Vol. 14. Collection of research papers. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing House, 2004. P. 143—170.}

Comrie 1986 — B. Comrie. Conditionals: A typology. In: E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, Ch. A. Ferguson (eds.). *On Conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 77—99.

Dobrushina 2016 — N. R. Dobrushina. Soslagaatel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki. Praga: Animedia Company, 2016. {N. R. Dobrushina. Subjunctive mood in the Russian language: A case study in grammatical semantics. Praga: Animedia Company, 2016.}

Dwyer 2016 — A. M. Dwyer. Ordinary insubordination as transient discourse. In: N. Evans, H. Watanabe (eds.). *Insubordination*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 183—208.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses. In: I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 366—431.

Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe. In: J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 563—640.

Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Khanina, Shluinskij 2019 — O. V. Khanina, A. B. Shluinskij. Sistema form s referenciej k budushchemu v ehneckom yazyke. In: *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*. 2019, 1 (23). S. 83—96. {O. V. Khanina, A. B. Shluinsky. The system of forms with future reference in the Enets language. In: *Tomsk journal of linguistics and anthropology*. 2019, 1 (23). P. 83—96.}

König 1986 — E. König. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization. In: J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 229—640.

Lambrecht 1988 — K. Lambrecht. There was a farmer had a dog: Syntactic amalgams revisited. In: *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1988. P. 319—339.

Lehmann 1988 — Ch. Lehmann. Towards a typology of clause linkage. In: J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 181—225.

Lindström et al. 2019 — J. Lindström, R. Laury, C. Lindholm. Insubordination and the contextually sensitive emergence of 'if' requests in Swedish and Finnish institutional talk-in-interaction. In: K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019. P. 55—77.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation. In: T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52—150.

Ovsyannikova, Khanina 2018 — M. A. Ovsyannikova, O. V. Khanina. Chto proiskhodit s yazykom, kogda na nem perestayut govorit'? (dannye nefinitnykh form lesnogo dialekta ehneckogo yazyka). In: Ks. P. Semenova (red.) *Malye yazyki v bol'shoj lingvistike. Sbornik trudov konferencii*. Moskva: Buki Vedi, 2018. C. 151—158. {M. A. Ovsyannikova, O. V. Khanina. What happens to a language when it is no longer spoken? Non-finite forms in Forest Enets. In: Ks. P. Semenova (ed.). *Minority languages in large linguistics. Conference proceedings*. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 151—158.}

Shluinskij 2010 — A. B. Shluinskij. Kontrastivnye glagol'nye okonchaniya v lesnom dialekte ehneckogo yazyka. In: S. I. Burkova (otv. red.). *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po samodistike*. Novosibirsk: Sibirskoe otделение RAN, Institut filologii, 2010. S. 279—291. {A. B. Shluinsky. Contrastive verb agreement in the Forest dialect of

the Enets language. In: S. I. Burkova (ed.). Proceedings of the 3rd international scientific conference on samoyedology. Novosibirsk: Siberian branch of RAS, Institute of Philology, 2010. P. 279—291.}

Shluinskij 2017 — A. B. Shluinskij. Vidovaya sistema ehneckogo yazyka na fone russkoj: k tipologii slovoklassificiruyushchego vida. In: Voprosy yazykoznaniya. 2017, 3. S. 24—52. {A. B. Shluinsky. Aspectual system of Enets as compared to Russian: Towards the typology of lexical aspect. In: Voprosy yazykoznaniya. 2017, 3. P. 24—52.}

Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

Sorokina 1984 — I. P. Sorokina. Budushchee vremya v ehneckom yazyke. In: Struktura paleoaziatskikh i samodijskikh yazykov. Voprosy samodijskogo i enisejkogo yazykoznaniya. Sbornik nauchnykh trudov. Tomsk: Izd. Tomskogo pedinstituta, 1984. S. 115—120. {I. P. Sorokina. Future tense in the Enets language. In: The structure of Paleosiberian and Samoyedic languages. The problems of Samoyedic and Yeniseian linguistics. Collection of research papers. Tomsk: Tomsk Pedagogical Institute Publishing House, 1984. P. 115—120.}

Sorokina 2010 — I. P. Sorokina. Ehneckij yazyk. SPb.: Nauka, 2010. {I. P. Sorokina. The Enets language. Saint Petersburg: Nauka, 2010.}

Tereshchenko 1979 — N. M. Tereshchenko. Nganasanskij yazyk. L.: Nauka, 1979. {N. M. Tereshchenko. The Nganasan language. Leningrad: Nauka, 1979.}

Thompson et al. 2007 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, J. Hwang Shin Ja. Adverbial clauses. In: T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 237—269.

Traugott 1985 — E. C. Traugott. Conditional markers. In: J. Haiman (ed.). Iconicity in Syntax. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 289—307.

Urmanchieva 2014 — A. Yu. Urmanchieva. Formy so znacheniem ehpiistemicheskoy modal'nosti v lesnom dialekte ehneckogo yazyka. In: Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. SPb.: Aletejya, 2014. S. 579—595. {A. Yu. Urmanchieva. Forms with the meaning of epistemic modality in the Forest dialect of Enets. In: Language. Constants. Variables. In the memory of Aleksandr Evgen'evich Kibrik. Saint Petersburg: Aletejya, 2014. P. 579—595.}

Urmanchieva 2016 — A. Yu. Urmanchieva. Analiticheskie formy "modal'nogo inferentiva" v lesnom ehneckom. In: Linguistica Uralica LII. 2016, 2. P. 122—140. {A. Yu. Urmanchieva. Analytic forms of "modal inferential" in Forest Enets. In: Linguistica Uralica LII. 2016, 2. P. 122—140.}

Van den Nest 2010 — D. Van den Nest. *Should conditionals be emergent...* Asyndetic subordination in German and English as a challenge to grammaticalization research. In: A. Van linden, J.-Ch. Verstraete, K. Davidse (eds.). Formal Evidence in Grammaticalization Research. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 93—136.

Wagner-Nagy 2018 — B. Wagner-Nagy. A Grammar of Nganasan. Leiden; Boston: Brill, 2018.